

Получив второй шанс на жизнь, он больше не был тем капризным барчуком, неспособным отличить искреннюю заботу от фальши. Сун Чжиши теперь ясно понимал: Гу Хуай всегда желал ему только добра. Как бы то ни было, сначала нужно вернуться и извиниться.

До их «развода» оставалось ещё больше двух лет, так что Гу Хуай... наверное, сменит гнев на милость. По крайней мере, на какое-то время.

А потом нужно будет найти новую работу, спокойно пережить последние годы этой политической бури и отыскать способ воссоединиться со старшими сёстрами и дедушкой, сосланным в далёкие края. Главное — снова жить вместе, тихо и счастливо.

— Всё хорошо, я справлюсь, — успокоил он испуганного Сяо До. — Сначала вернусь, поговорю с твоим братом Гу Хуаем, а там видно будет.

— Вы уже уходите? — удивился Сяо До.

Чжиши кивнул и принялся собирать свои немногие вещи:

— Да, я и так засиделся у тебя. Спасибо, что приютил и выходил.

Сяо До не посмел его удерживать. Ему оставалось лишь послушно проводить гостя до автобусной станции.

Войсковая часть Гу Хуая располагалась в уезде Фуци, находившемся под управлением города Хэло. Дорога из города занимала долгие три часа, а рейсовый автобус ходил всего дважды в день.

Тепло распрощавшись с Сяо До, Сун Чжиши отправился в путь.

Три часа немилосердной тряски в душном салоне, пропитанном запахами пота и помёта перевозимой крестьянами птицы, едва не вывернули Чжиши наизнанку. Спасло лишь то, что с утра он пил один жидкий рисовый отвар, который давно усвоился.

Добравшись до уездного центра, он отыскал среди тарахтящих тракторов телегу, запряжённую волом, и за пять мао уговорил возчика подбросить его до военного городка.

Когда на фоне догорающего заката показались знакомые до боли ворота жилого комплекса для семей военнослужащих, на глаза Чжиши навернулись слёзы.

Военный городок

Лето в Хэло славилось долгими днями. Даже в шесть вечера солнце палило вовсю, а мужчины возвращались со службы лишь с наступлением сумерек. Из-за школьных каникул ребятня разбежалась кто куда, так что изнывающим от безделья женщинам оставалось лишь собираться кучками во дворе — и за мелкой домашней работой перемывать кости соседям.

Стоило кому-то завести разговор о сватовстве и детях, как скучающие кумушки мигом оживились.

— Слыхали? Тот-то опять разругался в пух и прах, который день носа дома не показывает.

— Как не знать! Наш изнеженный барчук только и умеет, что капризы строить.

О ком шла речь, гадать не приходилось.

— По мне, так только у батальонного командира Гу сил и хватает его терпеть. Связался же на свою голову.

— Была бы хоть девчушка нежная, слова бы никто не сказал... А тут — мужик! Ума не приложу, о чём думали родители командира Гу, когда одобряли этот брачный союз мужчин. Это же верная гибель для карьеры парня!

— Да ладно тебе, его ведь уже перевели в запас. Так что больше он не батальонный.

— А ведь я, грешным делом, хотела свою племянницу за Гу Хуая сосватать. Эх, не успела, опередили...

— Сюмэй, а ты что думаешь?

Лю Сюмэй, застигнутая вопросом врасплох, даже бровью не повела. Влезать в эти сплетни она не планировала, а потому лишь мягко улыбнулась, промолчав. Её муж служил под началом Гу Хуая; узнай он, что благоверная чешет языком за спиной командира, взбучки было бы не избежать. К тому же до Сюмэй доходили слухи, что её супругу в этом году светит повышение, так что давать повод для злых языков сейчас было совершенно ни к чему.

— По мне, так этот Чжиши — славный малый, — наконец примирительно отозвалась она. — Да и вообще, это их семейное дело. Хотят ссориться — пусть ссорятся, нам-то какое дело?

Сюмэй начала собирать разложенное шитьё, явно намереваясь уйти:

— Ладно, солнце уже садится, скоро сорванцы прибегут. Пора ужин готовить.

Сун Чжиши не ожидал, что, едва вернувшись, услышит, как за его спиной перебивают кости, причём речь шла о нём самом. В одно мгновение он оказался в неловком положении: не то входить, не то уходить.

Женщины разочарованно переглянулись. Все знали, что из Сюмэй слова лишнего не вытянешь, а уж выведать у неё штабные секреты и вовсе нечего было пытаться.

Однако не успели они разойтись, как на дорожке появился юноша.

Тонкие, благородные черты лица, фарфоровая кожа, словно светящаяся в лучах заходящего солнца, невероятно длинные ресницы и ясные, чистые глаза, в которых сквозило детское простодушие. На нём была модная белая рубашка из дакрона, а свободные брюки цвета хаки подчёркивали стройность длинных ног. Появление этого юноши подействовало на собравшихся подобно глотку прохладного воздуха в знойный полдень.

Надо же, собственной персоной — названный супруг Гу Хуая!

Что греха таить, лицом парень выдался на славу — во всей округе краше не сыскать. Жаль только, происхождение подкачало, да и характер, как поговаривали, был сущий кошмар.

Судачить за спиной — дело привычное, но столкнуться лицом к лицу с тем, кого только что полоскали, оказалось неловко даже для самых прожжённых сплетниц. Женщины тут же потупили взоры и притихли, усердно делая вид, будто страшно заняты своими делами.

Чжиши прекрасно помнил, какими натянутыми были его отношения с местными жительницами, и навязываться с разговорами не собирался. Заметив среди них знакомую соседку, он лишь вежливо кивнул ей в знак приветствия.

Лю Сюмэй от удивления даже растерялась, но поспешно кивнула в ответ, мысленно перекрестившись: какое счастье, что она держала язык за зубами.

Военный городок состоял из длинных рядов одноэтажных кирпичных домов — по восемь квартир в каждом. Семьям выделяли по две комнаты с крошечным палисадником перед окнами, где при желании можно было разбить грядки или держать птицу. В те суровые годы такое жильё считалось непозволительной роскошью.

В своё время Гу Хуай, руководствуясь высокими идеалами партийного бескорыстия, уступил лучшие квартиры нуждающимся подчинённым, а себе забрал самый захудалый, угловой домик на отшибе. Палисадник здесь был совсем крохотным, а поскольку хозяин дневал и ночевал на службе, участок пришёл в полное запустение. Метла и совок валялись в куче мусора, клочок земли зарос бурьяном, а в углу сиротливо громоздились сухие ветки вперемешку с угольной крошкой.

Привычным жестом нащупав под цветочным горшком ключ, Чжиши отпер дверь.

Простая, до боли знакомая обстановка дома мгновенно принесла ему чувство умиротворения. Всё внутри выглядело типично для семидесятых годов — скромно, если не сказать убого.

До женитьбы Гу Хуай жил один, поэтому планировка была предельно простой: одна комната, прихожая, совмещающая функции кухни и столовой, и крошечный чулан.

Дверь в единственную спальню была приоткрыта. Там хозяйничал Чжиши — из мебели в комнате стояли лишь двуспальная кровать, тумбочка да простенький письменный стол с тремя ящиками.

Внешнее помещение служило одновременно гостиной, кухней и столовой. У стены здесь сиротливо жалась узкая кушетка, на которой красовалось сложенное идеальным армейским квадратом суконное одеяло цвета хаки. Именно здесь и спал Гу Хуай.

Кухонный угол ограничивался примитивным буфетом да закопчённой плитой, а обеденную зону заменял хлипкий столик. Пожалуй, самым ценным предметом в доме был массивный рабочий стол Гу Хуая, примостившийся у окна.

Чжиши шумно вздохнул. На глаза снова навернулись слёзы разочарования в собственном былом эгоизме.

«Каким же слепцом я был! Жил как у Христа за пазухой и вечно всем выказывал недовольство!»

Раз уж он твёрдо решил искупить вину перед этим человеком, нужно начинать с малого.

После изнурительных тренировок Гу Хуай вернётся голодным и уставшим. С этой мыслью Чжиши бросился в спальню и из привычного тайника за обоями выудил припрятанную пятиюаневую купюру.

Учебный плац

— Три, два, один!

— Вольно, смирно!

— Разойдись!

После звучной команды строй рассыпался, и солдаты шумно потянулись к казармам.

Статный, волевой офицер направился напрямик к раскидистому дереву, под сенью которого стоял его велосипед. Одним уверенным движением перекинув длинную ногу через раму, он оседлал железного коня и покатил навстречу прохладному вечернему ветру. Безупречная, по-военному прямая осанка приковывала к нему взгляды редких прохожих.

— Лао Гу! Лао Гу, стой! — окликнул его крепкий парень, стремительно нагоняя на своём велосипеде.

Догнав друга, он без лишних предисловий выложил то, что наболело:

— Слышал я, рапорт ты подал на увольнение в запас. Неужто правда?

Гу Хуай даже не повернул головы, по-прежнему сосредоточенно глядя на дорогу перед собой.

— Правда.

— И куда теперь? — на лбу приятеля от волнения выступил пот.

— На нашу городскую угольную шахту, — спокойно отозвался Гу Хуай.

Осознав, что решение принято окончательно и пути назад нет, товарищ вскипел:

— Да как же так, Гу Хуай! Ты...

Его пламенную речь прервал подбежавший запыхавшийся вестовой:

— Товарищ Гу, вас срочно вызывает командир полка Лю.

Гу Хуай примиряюще похлопал друга по плечу:

— Сейчас буду.

Ещё на подходе к штабу Гу Хуай услышал доносившийся из кабинета зычный, добродушный смех. Постучав в дверь, он дождался бодрого «Войдите!» и переступил порог.

— Товарищ командир полка, вызывали? — козырнул Гу Хуай.

Командир полка Лю Фуцин с самым радушным видом увлёк его к дивану:

— А, Сяо Гу! Проходи, присаживайся. Наливай чай, не стесняйся.

Они перекинулись парой общих фраз о службе, после чего командир наконец перешёл к делу.

— Слыхал небось, какие страсти кипят вокруг набора студентов из числа рабочих, крестьян и солдат? — понизив голос, заговорщически спросил Лю Фуцин.

Не понимая, к чему клонит начальник, Гу Хуай честно ответил:

— Слышал, товарищ командир полка.

Лицо Лю Фуцина расплылось в довольной улыбке, которую он не в силах был сдержать:

— Так вот, партийное руководство уезда всё обсудило и единогласно решило выдвинуть твою кандидатуру. Что скажешь на это, боец?

<http://bllate.org/book/19670/1950847>